

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 33 (199)

17 ИЮЛЯ 1934 г.
ЦЕНА 20 коп.

С О В Е Т С К О Е И С К У С С Т В О

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

А СУДЬИ КТО?

ГЛАВА ИЗ МЕМУАРОВ НАРОДНОГО АРТИСТА Ю. М. ЮРЬЕВА *

...Вот начался своего рода «исторический» спектакль на сцене Александринского театра.

Премьера «Чайки» А. П. Чехова. День бенефиса Е. И. Ливиковой. Весьма популярная в то время комическая актриса Е. И. Ливикова пользовалась особой симпатией, особой любовью среди гостиниодворской публики.

И не мудрено, что в этот вечер, в день ее праздника, они-то, гостиниодворцы, и преобладали в зрительном зале.

Гостиниодворцы были вполне уверены, что Е. И. как комическая артистка уже наверняка выберет для своего бенефиса что-либо забавное, где можно будет с удовольствием посмеяться.

Начался спектакль...

Проходит первая сцена, проходит вторая... Ничего смешного. Одни разговоры... Может быть это только вначале, а потом будет весело... Ничего подобного. Дальше то же самое. Ни одного комического положения... Одна, повидимому, болтовня.

Полное разочарование... Внимание все более и более ослабевает... Плохо слушают. Тем не менее до поры до времени все шло сравнительно чинно... Но вот кто-то в партере нарочито громко вздохнул. Раздается протяжное: «О-ох!»

Публике понравилась выходка скачущего зрителя... Встретили сочувственно. Прекратился легкий смех.

Смех подбодрил некоторых смельчаков.

«Ну и канитель», — вполне естественно прозвучал чей-то голос. Новая волна, но уже громкого смеха. Чувствуется, что многие осмелели.

«Тише... молчите... Что за безобразия! Дайте слушать!» — раздаются

протестующие голоса. На время наступает тишина, но ненадолго. Интерес к происходящему в зрительном зале далеко превалирует интерес к спектаклю.

Атмосфера сгущается.

Идет сцена на сцене: Треппев демонстрирует свою пьесу. Для домашнего спектакля под открытым небом построен помост. На помосте появляется Нина Заречная — Комиссаржевская — вся в белом, освещенная лунным светом, садится на большой камень и произносит монолог.

«Люди, пьвы, орлы и куропатки, рогатые олени, лауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звезды и те, которых нельзя видеть глазом, — словом все жизни, все жизни, все жизни!» и т. д.

Публика, повидимому, в недоумении, притихла, насторожилась, начала прислушиваться к словам. Но так продолжалось недолго.

Печуяли что-то декадентское. Это подлило масла в огонь.

Декаденты в то время — «притча во языцах». Их высмеивали, ими возмущались. Изощрились в остротах. Повод к новому взрыву.

«Что-о, что-о? Лвы и куропатки?! Вот так-так!» — протянул чей-то голос.

Наступило что-то невообразимое. Сквозь гомерический хохот слышатся со всех сторон замечания, остроты. Раздаются голоса протестующих, но они только усиливают общий шум.

Смушенная и в конце растерявшаяся Комиссаржевская едва закончила свой монолог... ее почти не слышно.

Заключительные сцены первого акта прошли хотя и при более благоприятных условиях, было несколько спокойней, но атмосфера, в сущности, не разрядилась. Каждую минуту можно было ждать нового взрыва.

Наконец кончили акт.

Часть публики возмущается поведением зрителей и в знак протеста усиленно аплодирует и вызывает исполнителей.

Артисты долгое время не хотели выходить, но в конце-концов, после настоятельных требований, появляются на сцене взволнованные, смущенные, недоумевающие.

В антракте среди публики, большое оживление. Все захвачены происходящим: одних все это увлекает, забавляет, других — возмущает.

За кулисами — полное смятение и растерянность, словно после самой ужасной катастрофы. Все потрясены и подавлены. Не могут еще опомниться, не могут отдать себе отчета в том, что только-что произошло. Все говорит тихо, почти шепотом, как это обыкновенно бывает, когда в доме покойник.

На каждого входящего из зрительного зала набрасываются и закидывают его вопросами, желая себе уяснить причину этого стихийного явления. Но те, находившиеся в самой гуще зрительного зала, недоумевают и не могут дать какого-либо объяснения.

И. А. Варламов волнуется чуть ли не больше всех. Беспреданно крестится, вздыхает... у него нервная дрожь... Руки трясутся. «Господи! Что же это такое? — шепчет он, — что же это происходит? Слишком 30 лет я на сцене, а ничего подобного никогда не бывало. Ну, проваливались пьесы. Шикали автору, шикали актерам... А это что же? Да ну-ка, какая такая срамная пьеса? Ведь нет же! Ничего не понимаю...»

Комиссаржевскую увели в уборную и отпавляли валерьянкой. Все беспокоились за Антона Павловича.

В начале спектакля его видели за кулисами следящим за ходом действия, но после того, когда стало ясно отношение публики и пьесы, Антон Павлович скрылся в кабинете Е. П. Карпова и только изредка, притворившись дверь, прислушивался к тому, что происходило в зрительном зале. В антракте его не оказалось в кабинете Карпова. Делали предположение, что он совсем уехал из театра, но потом обнаружили, что шляпка его на письменном столе Карпова, следовательно, он здесь.

И действительно, вскоре Чехов, в сопровождении актера Н. Ф. Арбекина — старого знакомого Антона Павловича, появляется за кулисами. По одному уже его виду можно было судить, как тяжело он переживает происходящее. Я даже никогда не думал, что можно так вдруг осу-

нуть, как это было тогда с Антоном Павловичем. Растерянный, бледный, с беспокойной безумными глазами, с улыбкой от конфуза он рассеянно слушал актеров, наперебой пытавшихся его ободрить.

— Я ничего... Я уж как-нибудь... А вот каково вам... Ведь у васпереди еще три акта!

— Мы — стрелыные воробы, — пробует успокоить Чехова Варламов, — нас не прошибешь! — А у самого от волнения зуб на зуб не попадает.

— А может быть прекратить представление?

Все остальные акты шли в таком же утаре. Правда, некоторые сцены проходили спокойней.

Но вот во втором акте вдруг, как нарочно, досадная неполадка. Страдающего ревматизмом Дорна вывозят на сцену в кресле на колесах. Колеса не успели как следует закрепиться, и кресло покатилося по наклонному полу сцены и рампы... Едва, едва его задержали.

Легко себе представить, что произошло из-за этой оплошности.

Во время хода действия я стоял в проходе между партером и местами за креслами. Вошел Антон Павлович и встал рядом со мной.

Но вот снова взрыв. Антон Павлович инстинктивно хватается меня за плечо и судорожно сжимает руку. Потом, в каком-то отчаянии, махнул рукой и быстро уходит.

Последний акт, пожалуй, был самым неблагоприятным.

Придирались положительно к каждой мелочи, каждому пустяку.

Появлялся ли Дорн в своей колеске — смех. Вставал ли он с своего кресла, опираясь на чью-либо руку, — опять смех и иронические замечания.

Но самым кульминационным пунктом был опять тот же монолог Комиссаржевской, что и в первом акте, когда она перед своим уходом срывает со стола белую скатерть, накидывает ее на себя и, вспоминая свое счастливое прошлое, связанное с ее выступлением на домашнем спектакле, начинает читать слова из своего монолога. Хохот, свистки, крики протеста.

И, наконец, в самом финале: за

сценой раздается выстрел — стреляется Треппев. Дорн идет за кулисы и быстро возвращается взволнованным и после паузы — его фраза: «Лопнула слякка с эфиром», — это показалось публике так смешно, что смех продолжался до конца акта.

Занавес опустился. Раздался оглушительный свист со всех сторон, шипенье и смех. Никто даже не решился аплодировать, сознавая, что их аплодисменты будут, как «глас вопиющего в пустыне».

Так закончился этот злополучный спектакль.

Антон Павлович, как говорили после, не выдержал этого кошмара, и, не дождавшись конца, бежал из театра. Успел только накинуть на себя пальто, забыв в карманах шапку. Так и уехал с непокрытой головой.

На следующий день после премьеры по всему городу разнеслась весть о скандальном спектакле. Газеты были полны репортерскими заметками с изложением всех подробностей «пронсшествия».

Сенсаация получила полную. Все петербуржцы были заинтересованы и спешили запастись билетами.

Но, между тем, в дирекции, во избежание повторения скандала, встал вопрос о снятии пьесы с репертуара. Но так как второй спектакль уже был объявлен на афише, решили его повторить в виде испытания.

Нужно ли говорить о том, что переживали актеры, участники спектакля, перед началом второго представления «Чайки»? Им казалось, что опять придется переживать такие же кошмарные минуты, которые достались на их долю во время премьеры.

Но вот прошел первый акт... И ничего... Никаких эксцессов... Напротив, публика слушала внимательно и реагировала там, где это надо. По окончании действия раздались аплодисменты. Правда, довольно робкие, неуверенные. Не знали еще, как вести себя, памятуя все, что творилось на первом представлении. Но тистов встретили дружно.

В публике некоторое недоумение... Ждали повторения скандала, но повода к нему не усмотрели...

* Мы печатаем интересные «показания» живого свидетеля «провала» чеховской премьеры в Александринке. Ю. М. Юрьев прав, что неудача спектакля в известной мере объясняется специфическим «гостиниодворским» составом публики. Но не только этим. Основная причина провала кроется в полном непонимании казенным театром пьесы и неумении воспринимать на сцене особенности чеховской драматургии.